

ховного комиссара ООН по делам беженцев, Международной Организации по вопросам миграции (UNHCR – United Nations Office of the High Commissioner for Refugees), а также Евросоюза. Профессор Кастлес – признанный эксперт в вопросах миграции, гражданства и в исследовании социально-политических процессов в современном мире.

В гражданском обществе национального государства всегда были противоречия между гражданами и иммигрантами, между полноправным национальным большинством и национальными меньшинствами. Подобные противоречия в современных обществах могут перерасти в конфликты, обостряясь неуправляемыми процессами глобализации, политической гегемонией и экономическим давлением одной сверхдержавы на другие государства. Но в мире, разрываемом конфликтами, есть и общий момент – впервые в истории абсолютное большинство населения планеты имеют статус гражданина. Стефан Кастлес показывает, что за формальным равенством граждан, равносильностью их прав и свобод скрывается иерархия гражданства, зафиксированная глобальной иерархической системой государств в современном, исторически беспрецедентном мироустройстве. Данная интернациональная дифференциация национальных государств, закрепленная международными правовыми актами, глобальным управлением в интересах сильнейших стран Севера, которые контролируют мировую торговлю, наднациональные политические, экономические и культурные процессы, инициирует международные конфликты и напряженную обстановку между государствами. Процессы глобализации уже невозможно повернуть вспять. На мировой шахматной доске уже расставлены авторитеты: под видом благих намерений отстоять права человека и спасти человеческие жизни в повсеместных зонах конфликта и военных столкновениях Юга руками международных организаций, США и другие высокоразвитые страны осуществляют свою финансовую, экономическую политику. Неужели большинство населения планеты обречено проживать за чертой бедности, армии будут воевать, подчиняясь приказам политиков, или еще возможно что-то изменить, построить наднациональные демократические институты, снизить вероятность этнических, религиозных, расовых конфликтов, сделать мир гуманнее, изменить будущее планеты к лучшему? Стефан Кастлес попытался ответить на эти существенные непростые вопросы.

СТЕФАН КАСТЛЕС

НАЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ИЕРАРХИЯ ГРАЖДАНСТВА В НОВОМ МИРОУСТРОЙСТВЕ*

В своей книге «Гражданство и миграция» (см. прим. 2) Элистер Девидсон и я хотели показать, что национальное государство и институт гражданства становятся международными нормами.

* Перевод выполнен по источнику: *Castles Stephen. Nation and Empire: Hierarchies of Citizenship in the New Global Order // International Politics. 2005. 42. (203-224)*. Данная работа представляет собой перевод с английского первой части введения, опубликованного в научном журнале «International Politics». На ее перевод и публикацию в нашем журнале получено согласие автора и издательства.

Впервые за всю историю человечества большинство населения мира проживает в национальных государствах с конституционным порядком. Это также означает, что большинство людей в мире законодательно определяются как граждане и являются таковыми, в отличие от подданных при монархии и неполноправных граждан при тоталитаризме. Конечно, и сегодня многие из национальных государств являются демократическими только номинально, тем не менее, быстрое распространение модели национального государства стало значимым как для национальной внутренней политики, так и для международных связей. Далее мы рассмотрели серьезные последствия глобализации и миграционных потоков людей для гражданства внутри национального государства. Тем не менее, глобальные тенденции последних лет настоятельно требуют исследовать этот вопрос подробнее. Начиная с конца холодной войны, политические силы переместились с оси Восток-Запад в плоскость Север-Юг, только теперь в обоих полушариях господствует лишь одна сверхсила — США. Некоторые аналитики полагают, что мы вступаем в эпоху «Новой Империи», схожую с древней Римской и Британской империями. Однако, международная обстановка сегодня намного сложнее. Разделение мира на Север и Юг не закончено: на Севере остаются области социальной отсталости, в то время как на Юге некоторые регионы временно процветают. Доминирование же одной нации не абсолютно. Формирующийся мировой порядок не имеет аналогов в истории. Я полагаю, что новое мироустройство можно определить, как *иерархическую систему национальных государств*. Более того, я утверждаю, что выбор государствами, находящимися на разных уровнях этой иерархической системы, определенной модели гражданства зависит от силы этого государства и приводит к соответствующей градации прав и свобод граждан каждого общества, этот феномен я определяю как *иерархию гражданства*.

Данную работу я начинаю с рассмотрения некоторых противоречий, неотъемлемо присущих гражданству в национальном государстве, и с анализа обострения конфликтов вследствие развития глобализационных и миграционных процессов. В статье рассматриваются такие ответы на вызовы глобализации, как изменения в законодательствах государств относительно гражданства и рост мультикультурализма. Далее рассматриваются мировая иерархическая система национальных государств и иерархия гражданства, а также некоторые противоречия в современных дискурсах о способах контроля и управления международной миграцией в масштабах всего мира (как центральный фактор, влияющий на социальную дифференциацию). В заключение, я рассматриваю перспективы разрешения противоречий нового мирового иерархического порядка гражданства через установление транснациональных демократических институтов, действующих поверх границ.

Противоречия и дифференциация гражданства в национальном государстве

В современном национальном государстве статус гражданина подразумевает единение со своим обществом. Быть гражданином означает быть включенным в некую национальную общность. Гражданин располагает определенным набором гражданских, политических и социальных прав и свобод, которые возможны при условии определенных обязательств граждан перед государством: подчиняться законам, платить налоги и защищать страну в военное время. Как правило, предполагается, что гражданин принадлежит только одному государству, в свою очередь, государство включает тех граждан, которые постоянно проживают на территории страны.

Тем не менее, подобные, казалось бы, простые принципы мироустройства далеки от реальности. Так, примерно 13 млн. людей, постоянно проживающих на территории Западной Европы, но не являющихся гражданами ЕС, не могут получить статус гражданина по юридическим или социальным причинам. В Японии потомки корейцев в четвертом-пятом поколениях вынуждены заниматься неквалифицированным трудом, находясь в положении нелегалов. В США огромный сегмент экономики базируется на нелегальной рабочей силе – выходцах из Мексики и других стран, в то время как в стране сохраняется политика сегрегации афро-американцев в так называемых «черных гетто», приводящая к высокому уровню безработицы и преступности.

Австралия и Канада гордятся высокой эффективностью своей интеграционной политики по отношению к иммигрантам, однако большинство коренного населения этих регионов не интегрировано в общество. В Великобритании же процент поступления в университеты детей из низшего социального слоя сегодня уменьшился по сравнению с предыдущими поколениями. Повсеместно в западном мире социальное происхождение и принадлежность к определенному полу становятся определяющими факторами, препятствующими или способствующими социальной мобильности, освоению той или иной профессии, устанавливающими потолок доходов. Гражданство в национальном государстве глубоко дифференцировано, однако для гражданского общества было всегда характерно расслоение. Возьмем ранний период развития демократии в греческом полисе, где рабы, женщины, иностранцы были исключены из социальных процессов, не являлись гражданами полиса. При зарождении демократии в XVIII–XIX вв. правом голоса обладал лишь мужчина – собственник, представляющий интересы зависящих от него женщин, детей, слуг и подчиненных. Всеобщее право голоса – это результат долгой и мучительной борьбы, продолжавшейся вплоть до XX в.

Вследствие этого гражданство оказывается в высшей степени двусмысленным, противоречивым институтом. Основные противоречия гражданства в современном гражданском обществе можно подытожить в следующих пунктах:

- 1) противоречие между гражданами и мигрантами;
- 2) противоречие между полноправными гражданами и национальными меньшинствами, формально имеющими тот же статус;
- 3) противоречие между социально активными и пассивными гражданами;
- 4) противоречие между суверенными правами гражданина и обязательной воинской повинностью.

1. Отношения в первой группе уже были обозначены выше: полноценные граждане существуют наряду с частично или полностью исключенными из гражданского общества мигрантами.

2. Второй вид конфликта между полноправными гражданами и национальными меньшинствами, формально имеющими тот же статус, связан с первым видом конфликтов. С позиций теории либерализма «все граждане государства считаются свободными и равноправными, обладающими именно в качестве граждан однородным, одинаковым гражданством» [10]. Это означает, что необходимо проводить различие между политическими правами и обязанностями граждан, с одной стороны, и их принадлежностью к определенной национальности, конфессии, социальному слою и местопроживанием, с другой стороны. Сфера политических прав, свобод и

обязанностей предполагает универсализм, который одновременно является и унификацией, различие же признается лишь в качестве «непубличной идентичности» (“non-public identity”) [10]. Но такое представление не соответствует реальности формирования современного национального государства, при котором получение гражданства зависит от принадлежности к определенной национальной общности. Конфликт в рамках национального государства возникает, когда человек, становясь гражданином, попадает в зависимость от своего государства. Национальное государство — это сочетание политических институтов, которые контролируют определенную территорию (государство), с национальной сущностью (нацией или народом), обладающих властью навязывать свою политическую волю в пределах границ государства. Гражданин всегда имеет какую-то национальность. В историческом плане напряжение между гражданством и национальностью проявлялось в том, что для приобщения национальных меньшинств к господствующей национальной культуре необходимы были специальные государственные меры. Как писал Э. Ренан в знаменитой работе «Что такое нация?» в 1882 г., «стирание отличительных черт этноса и забвение отдельной этнической культуры жизненно необходимо для создания единой национальной идентичности» [11]. Фундаментальные противоречия между гражданами с различными этническими корнями, но одной новой национальной идентичностью получили выражение в формах антисемитизма, расизма и национализма, разрывавшими Европу на части в течение XIX и XX вв.

3. Третий вид социального конфликта между социально активными и бездеятельными гражданами связан с противоположными позициями сторонников радикально-демократической и консервативной теорий относительно значимости прав и обязанностей граждан. Принцип народного суверенитета, рожденный Французской революцией, основывался на идеале активного гражданина, самым важным правом которого была возможность участвовать в процессе принятия закона или создания правительства. Для сравнения, более ранние теории общественного договора подразумевали бездеятельных граждан, которые имели право защиты от противоправной деятельности, но были обязаны подчиняться авторитету государства. Гражданская позиция предполагает не только распространение политических прав для всех, но, как показывает Маршалл в послевоенной Британии [8], также создание социальных и экономических условий, которые позволили бы представителям рабочего класса полностью интегрироваться в социально-политические процессы. Начиная с М. Тэтчер и Р. Рейгана, идеология неоконсерватизма обращалась к бездеятельным гражданам, «социальная деятельность которых сводилась к обязанности работать и подчиняться закону» [9]. «Третий путь» (см. прим. 3) — это социально-демократический ответ государства, пытающегося сохранить себя как государство всеобщего благосостояния в новых условиях, порожденных приходом глобализации. Концепция третьего пути оставляет идею социального равенства ради политики социального включения граждан в национальную общность.

4. Следующие противоречия в национальном государстве возникают между суверенными правами и обязательной воинской повинностью. В последнее время очевидна связь между правом голоса и воинской повинностью, между правом голосовать и долгом отдать свою жизнь за государство при необходимости. Во Франции в конце 90-х гг. отмена всеобщей воинской повинности оценивалась и правыми, и левыми, как угроза гражданскому сознанию. Военная служба рассматривалась как

«неотъемлемый фактор формирования гражданского общества» [12]. Идеал военного в гражданском обществе сложился в условиях всеобщей мобилизации для защиты достижений демократических революций, но стал вызывать сомнения при национальных конфликтах и мировых войнах. Этот идеал предполагает, что консолидация нации в рамках государства может быть достигнута только при враждебности ее по отношению к внешним группам, таким образом, оправдывая империализм и расизм в национальных государствах. Показательным также может являться сексизм: обязанность мужчины отдать жизнь за свою страну, в то время как обязанность женщины – родить новых детей для следующих войн.

Глобализация и миграция бросают вызов институту гражданства национального государства

Процессы глобализации только обостряют противоречия, присущие гражданству в национальном государстве. Во-первых, глобализация подрывает относительную автономию национального государства, разрывая связь между властью и ее местоположением, меняя порядок, присущий национальному индустриальному обществу XIX, XX вв. Сегодня динамика экономической жизни преодолевает границы национальных государств, которые уже не в состоянии справиться с такими темпами. Национальное государство все еще является ячейкой государственного образования для достижения благосостояния общества, но ни одно правительство не может проводить политику, гарантирующую благосостояние нации, игнорируя давление и законы мировых рынков. Что значит быть гражданином, если его голос не может повлиять на политическое решение, потому что они больше не принимаются национальным парламентом?

Во-вторых, глобализация подрывает уверенность национальных государств в осуществлении их уникальной культурной миссии, которая являлась решающим фактором при проведении национальной политики. Стремительное развитие транспортных возможностей и средств связи повлияло на беспрецедентный уровень культурного обмена. Мировая победа СМИ и доминирование в новом мире культурной индустрии привели к размыванию специфических систем ценностей национальных государств, что связано с приходом потребительского общества, с развитием индивидуализма и всемирным распространением американского образа жизни.

В-третьих, глобализация подразумевает быстрый рост мобильности людей поверх национальных границ. Для периода, начавшегося с 1980-х, характерны все виды миграции населения: «временная и долгосрочная миграция, трудовая миграция и потоки беженцев, переселение высококвалифицированных специалистов и низкоквалифицированных рабочих, переселение отдельных лиц и потоки семей» [2]. Сегодня, по меньшей мере, 175 млн. людей живут за пределами своей родной страны. Часто культурная дифференциация и социальная изоляция тесно связаны, порождая неблагоприятные сообщества этнических меньшинств. Последствия миграции наиболее ощутимы в областях, подверженных быстрым социальным изменениям. Экономические и социальные преобразования в бедных странах приводят к эмиграции, потоки людей направляются в мегаполисы с процветающей экономикой или в молодые, индустриально развивающиеся страны, претерпевающие стремительную урбанизацию.

В-четвертых, глобализация изменяет значение социального пространства. Усовершенствование транспортных систем и средств коммуникации позволяет мигран-

там поддерживать связь с родной страной, что способствует дальнейшей мобильности. Это приводит к появлению транснациональных сообществ: групп людей, занимающихся постоянным и успешным бизнесом в двух и более странах, живущих поверх государственных границ. Социологи различают «транснационализм сверху» – род деятельности, связанный с такими влиятельными субъектами, как транснациональные корпорации и государства, и «транснационализм снизу» – бизнес, который является результатом предприимчивости групп иммигрантов и их партнеров на старой родине. Транснациональные объединения – явление не новое, «понятие диаспоры, как устойчивой общности людей единого этнического происхождения, живущих за пределами своей исторической родины, известно давно» [3]. В современном мире новым является «быстрое распространение транснациональных объединений мигрантов, что приводит к значительным изменениям в сознании и поведении людей» [13].

Процессы миграции и растущее культурное многообразие представляют вызов для национального государства. Во-первых, принятие чужого во внутреннее национальное сообщество в качестве части гражданского общества несет угрозу для своеобразия и сплоченности социума. Процессы иммиграции настолько стремительны и бесконтрольны, что не остается время для сглаживания противоречий, возникающих в обществе. Во-вторых, граждане рискуют пополнить ряды безработных, будучи вынужденными делиться своей все уменьшающейся долей общественного пирога с новыми группами населения. К тому же, перестройка экономики, сопровождающаяся увольнениями, приватизация, снижение государственного вмешательства в бизнес приводят к социальной поляризации, оставляя все меньше возможностей для социальных меньшинств. Так просто обвинить иммигрантов в социальном кризисе, осуждая их не только в экономической и политической пассивности, но и в снижении общих стандартов жизни в обществе.

Таким образом, миграция является одним из важнейших аспектов конфликта между Севером и Югом, в процессе которого сами мигранты воспринимаются как агенты, призванные ослабить богатые государства до уровня стран третьего мира.

Подъем и упадок мультикультурализма

Почти все страны, столкнувшиеся с проблемой иммиграции, вынуждены были изменить свои законы, регулирующие получение гражданства, и даже конституции (см. прим. 4). После «нефтяного кризиса» в 1973 г. правительства Западной Европы отказались принимать новых иммигрантов, но не могли препятствовать восстановлению семей ранее прибывших и образованию общин иммигрантов. После распада СССР и стран социалистического лагеря увеличилось потоки мигрантов из восточной Европы, вследствие этого государства Европы приняли ряд мер, чтобы ограничить иммиграцию. Создание «крепости Европы» – так характеризовались действия правительств Европейских стран. В 1985 г. на наднациональном уровне было принято Шенгенское Соглашение (см. прим. 5), легализовавшее свободное внутреннее перемещение граждан в рамках жестких внешних границ. В 1997 г. был подписан Амстердамский договор, утвердивший единые нормы иммиграции и единую политику по предоставлению политического убежища в рамках Евросоюза. Однако он действовал лишь до мая 2004 г., т.к. осуществление принятых норм ставило под угрозу суверенность политики государств-членов Евросою-

за. Явление мультикультурализма тесно связано с этническим многообразием в мире. В прошлом правительства не опасались того, что иммиграция способна вызывать значительные изменения в общества. Здесь возможны два сценария: либо иммигранты держатся в стороне от основного населения, оставаясь на правах гастарбайтеров (модель Германии, Швейцарии), либо они полностью ассимилируются в общество, как в классических «странах иммигрантов» (США, Канада, Австралия). К 1970-м гг. стало очевидным, что оба сценария исчерпали себя. Иммигранты были повсюду, выполняя низкоквалифицированную, малооплачиваемую работу, что привело к развитию сегментации рынка труда. Аналогичным образом, дискриминация, расизм, низкая зарплата, привели к социальной изоляции этнических и национальных меньшинств. Как ответная реакция иммигрантов, стали появляться этнические сообщества с собственными политическими, культурными, экономическими инфраструктурами. В Канаде и Австралии, где налажен процесс интеграции иммигрантов в общество, власть и политики учитывают нужды и ценности этнических меньшинств. Сочетание правительством принципов культурного многообразия и социального равенства привело к росту мультикультурализма. Данные государства признают легитимность сообществ с их родным языком, религией и культурными ценностями, в свою очередь принимая меры, которые позволяют ассимилированным иммигрантам иметь равный доступ к социальным благам и образованию с целью исключить дискриминацию, а следовательно и конфликты в обществе. В Европе мультикультурная модель общества была принята Швецией в 1975 г. и Нидерландами в 1979 г. Британское общество также близко к тому, чтобы считаться мультикультурным. Даже во Франции и Германии, где политики воспринимают мультикультурализм как средство культурной дифференциации, местные социальные службы и образовательные центры вынуждены применять дифференцированный подход к представителям разных национальностей, этносов, культур.

К началу девяностых годов основным вопросом для правительств государств Западной Европы был вопрос о том, как включить иммигрантов и их потомков в гражданское общество. Такие государства, как Германия, Швейцария и Австрия имели строгие ограничения для получения гражданства. Так, принцип гражданства по происхождению (*jus sanguinis* – от лат. «право крови») предполагал, что даже дети, рожденные от родителей иммигрантов, не имеют право на получение гражданства. Фактически все «страны иммигрантов» (Канада, США, Австралия и т.д.) пересмотрели свои гражданские законодательства. Новые законы совмещали принципы «права крови» (*jus sanguinis*), «право места рождения» (*Jus soli*) (см. прим. 6) и принцип гражданства вследствие долгого проживания (*Jus domicilii* – от лат. «право места жительства»). Поворотной вехой явился закон о гражданстве, принятый в Германии в 1999 г. Он представлял исторический переход от «этнической» модели гражданства к более современной, гибкой и открытой (см. прим.7).

В процессе глобализации, породившей многоуровневую идентичность людей, иммигрантам становится все более актуальной возможность иметь двойное гражданство для совмещения разных идентичностей. Но это вызывает крайнее негодование националистов, которые отстаивают безраздельную преданность только одной нации. Правительства же стран, покинутых эмигрантами, рассматривают двойное гражданство как возможность сохранить связь со своими бывшими гражданами

за рубежом, передавать опыт и поддерживать процессы денежных переводов. Принятие данного гражданского закона в Мексике привело к росту числа людей с двойным гражданством в США. Все классические страны иммигрантов приняли двойное гражданство, как в свое время сделали Швеция и Великобритания. Другие страны, как правило, на бумаге отрицают закон, на практике же принимают его. В 2000 г. в Германии 45% иммигрантов, получивших гражданство этого государства, автоматически приобретали двойное гражданство [1].

В конце концов, наднациональные модели отдельных государств Европы могут послужить примером для новой модели гражданства. В 1991 г. Маастрихтский договор принял Гражданский кодекс Евросоюза: свободу передвижения и проживания в рамках его границ; право голосовать и баллотироваться в законодательные органы любого государства Евросоюза; дипломатическую защиту любого государства – члена Европейского Союза в стране, не являющейся членом союза; неприкосновенность дипломатов в рамках Союза; право гражданина ЕС подавать петиции в парламент ЕС и обращаться к омбудсмену (см. прим. 8). Тем не менее, паспорт ЕС – пока еще паспорт отдельных государств Европы. До сих пор «гражданское законодательство мало уделяло внимания людям, прибывшим в ЕС извне, хотя обсуждение этой проблемы за последнее время привело к определенному увеличению прав иммигрантов» [5]. Другие надгосударственные образования – например, как Североамериканское соглашение о свободной торговле (*NAFTA*), не так давно попытались создать транснациональную систему права.

Таким образом, становится понятным, что многие страны иммигрантов уходят от старых социальных моделей игнорирования и недопущения иммигрантов в свое общество или же полной ассимиляции, растворения людей различных этносов и культур в культуре господствующей нации к новой мультикультурной модели интеграции иммигрантов в гражданское общество. Тем не менее, с середины 90-х гг. наблюдается и обратная тенденция: канадское правительство отреклось от своей поддержки мультикультурного общества, подчеркивая важность культурного канадского наследия и гражданства, хотя, в общем, социальная политика не сильно поменялась. Консервативное крыло в правительстве Австралии с 1996 г. отказывается поддерживать какие-либо меры в поддержку этнических меньшинств (как иммигрантов, так и аборигенов). В Европе правительства Нидерландов и Швеции выбрали приоритетом своей политики образовательную и профессиональную интеграцию этнических меньшинств в общество, а не просто признание культурного многообразия.

Подобные изменения происходят в условиях растущей враждебности по отношению к иммигрантам и беженцам со стороны общества преобладающей нации. Многие СМИ и правые партии представляют иммигрантов и процессы мультикультурализма как угрозу социальной сплоченности и национальной идентичности. Ужесточаются и ограничения для осуществления иммиграции, чтобы не допустить беженцев и нелегальных рабочих с Юга. Во многих странах политика в поддержку беженцев и иммигрантов была либо совсем аннулирована, либо изменилась не в пользу последних. После событий 11 сентября 2001 г. все иммигранты и беженцы воспринимаются как потенциальные террористы и угроза национальной безопасности. Новый расизм по отношению к «чужим» повлек за собой нетерпимость и изгнание социальных меньшинств из гражданского общества.

Возникновение иерархической системы национальных государств

С конца 40-х гг. вплоть до 1990 г. мир разделился на биполярную систему, основанную на идеологическом, политическом, военном и экономическом соперничестве между двумя сверхдержавами – США и СССР вместе с их партнерами и союзниками. Конфликт между Западом и Востоком был определяющим фактором в основных процессах той эпохи: таких, как деколонизация, растущее значение национального государства, возникновение на политической карте стран третьего мира, войны марионеточных правительств, технологическая и информационная революция, упрочнение позиций государств, провозгласивших своей политикой достижение всеобщего благосостояния, и рост наднациональных структур. Очевидно, что окончание холодной войны и победа либерально-демократической модели должны иметь далеко идущие последствия и для института гражданства.

После распада советского блока в начале 90-х гг., многие люди верили, что это будет началом объединения мира. Огромные ресурсы, десятилетиями уходившие на военные расходы, теперь могли бы быть потрачены на развитие экономики, демократизацию общественной жизни и укрепление мира. В 1992 г. Ф. Фукуяма провозгласил «конец истории» [4], предположив, что на смену принципиальным идеологическим конфликтам пришла мирная работа, направленная на постепенное совершенствование единой для всего мира либерально-демократической системы ценностей. Сегодня, очевидно, что конфликт между Севером и Югом сменил конфликт между Западом и Востоком. Это понятие не включает в себя географический аспект проблемы, скорее, политический и социальный. Основное разделение идет между богатыми, развитыми, постиндустриальными государствами (Северная Америка, Западная Европа, Япония, Австралия, Новая Зеландия) и более слабыми, бедными странами Африки, Азии и Латинской Америки. Тем не менее, Север не лишен социально-политических проблем, а на Юге политические элиты обладают немалыми состояниями. Разница между старым биполярным миром, разделенным на Запад и Восток, и новым разделением на Север и Юг состоит в том, что сегодня во всем мире доминируют только одна сила. Многие аналитики предполагают, что сегодня США являются «новой Империей» [6]: это всемирная могущественная сила, которая управляет миром так же, как Римская империя владела Средиземноморскими территориями и Западной Европой, как Британская империя господствовала на обширных территориях до 1914 г. Однако термин «империя» в данном контексте не сможет описать все аспекты реальности, включая военную агрессию США, экономическое давление, навязывание их универсальной, единственной, «совершенной» системы ценностей, которая, тем не менее, не везде принимается. Например, недавние конфликты между Штатами и их союзниками по поводу вопроса применения военной силы против Ирака и других «экстремистских государств» ставят под сомнение веру в тотальное имперское господство США. Также Америка оказывается не в состоянии просто поставить своих ставленников в правительствах зависимых государств, как в свое время Рим назначал своих правителей, а Британия – своих наместников. Поэтому мировой порядок после окончания холодной войны принципиально новый. Он основывается на доминировании одной сверхсилы в центре, окруженной отнюдь не беспомощными вассалами, а иерархической системой государств с меняющейся расстановкой сил и с разной степенью зависимости от центра. Данная ситуация может быть представлена как множество, состоящее из концентрических

кругов государств, основанных не по географическим параметрам, а по принципу власти. Я полагаю, что данный порядок можно успешно категоризовать как *иерархическую систему национальных государств*. К тому же я полагаю, что различные силы этой системы (в политическом, военном, экономическом и культурном контекстах) повлекут за собой подобную иерархичную систему прав и свобод людей данных государств, которую я назову *иерархией гражданства*. Эта концепция, в соответствии с которой иерархия прав граждан обусловлена иерархическим подчинением государств, отличающихся друг от друга военным и экономическим потенциалом, контрастирует с утверждениями об универсальном характере либерально-демократической модели гражданства, доминирующей в научных дискурсах об управлении обществом в новых условиях глобализации.

Теория Ф. Фукуямы о конце истории оказалась недолговечной, она появилась в начале 90-х гг. как реакция на нестабильные обстановки в Югославии, Сомали, Кувейте. Сегодня понятно, что США и «международное сообщество» (по существу, это северные страны и могущественные наднациональные организации) считают, что может быть только одна допустимая система экономических, политических и культурных отношений в мире и человеческих прав. Другие же альтернативы либо не актуальны, либо поддерживаются фундаменталистами, террористами и «экстремистскими государствами» («Rogue states»). Это является основой для их требования всемирной политической легитимности, дающей Северу право утверждать международные политические институты, вмешиваться в военные конфликты, вносить желаемые изменения в структуру других государств. Таким образом, более оптимистичный взгляд Фукуямы был заменен на мрачный прогноз, сформулированный также в начале 90-х С. Хантингтоном о неизбежном «столкновении цивилизаций» [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Beaufragte der Bundesregierung für Ausländerfragen. Bericht über die Lage der Ausländer in der Bundesrepublik Deutschland, Berlin and Bonn, 2002.
2. Castles, S. Miller, M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World, Third Edition, Basingstoke, 2003.
3. Cohen R. Global Diasporas: An Introduction, London, 1997.
4. Fukuyama F. The End of History and the Last Man, London, 1992.
5. Geddes A. The Politics of Migration and Immigration in Europe, London, 2003.
6. Hardt M., Negri A. Empire, Cambridge, MA, 2000.
7. Huntington S. The Clash of Civilisations // Foreign Affairs. 72(3): 22-49. 1993
8. Marshall T. Citizenship and social class // Class, Citizenship and Social Development: Essays by T.H. Marshall. N.Y., 1964.
9. Mead L. Beyond Entitlement: the Social Obligations of Citizenship. N.Y., 1986.
10. Rawls J. Justice as Fairness: Political not Metaphysical // Philosophy and Public Affairs 14(3): 223-251. 1985.
11. Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? et autres essais politiques (introduced by Roman). 1992.
12. Schnapper D. La Communaute des Citoyens, Paris, 1994.
13. Vertovec S. Conceiving and Researching Transnationalism // Ethnic and Racial Studies 22(2): 445-462. 1999.

Примечания

1. <http://www.imi.ox.ac.uk/people/stephen-castles>. – Прим. *непев*.
2. Имеется в виду ранняя работа автора: Castles S., Davidson, A. Citizenship and Migration: Globalization and the Politics of Belonging. London, 2000. – Прим. *непев*.
3. Giddens A. The Third Way: the Renewal of Social Democracy. Cambridge, 1998. («Третий путь» означает взгляд на политику, который позволяет признать новую ситуацию – конкуренцию в глобальном мире – и поддержать разумно согласованное общество, заставляя эту конкуренцию работать на людей экономически, социально и культурно.)

4. Для более подробного анализа данного вопроса рекомендую ознакомиться с работами: *Aleinikoff T.A., Klusmeyer D. (eds.) From Migrant to Citizens: Membership in a Changing World*, Washington DC, 2000. А также: *Aleinikoff T.A., Klusmeyer D. (eds.) Citizenship Today: Global Perspectives and Practices*. Washington DC, 2001.

5. Подписание 14 июня 1985 г. в люксембургском замке Шенген соглашения между правительствами Бельгии, Люксембурга, Нидерландов, ФРГ и Франции о постепенной отмене контроля на общих границах. Оно имело целью взаимное признание визы одного из государств Европейского Сообщества на территории других, постепенную отмену контроля на внутренних границах, установление режима свободного передвижения для всех граждан стран-участниц Соглашения, а также других государств ЕС и третьих стран.

6. *Jus soli* – от лат. «право места рождения» – гражданство давалось ребенку при рождении на территории данной страны.

7. Данный процесс до сих пор продолжается в западных странах. Новые же страны иммигрантов в Азии, такие, как Малайзия, Тайвань, Южная Корея, все еще отвергают любую форму интеграции даже тех иммигрантов, которые долгосрочно проживают на территории государств. *Castles S. Migrant settlement, transnational communities and state strategies in the Asia Pacific region // Iredale R., Hawksley C., Castles S. (eds.) Migration in the Asia Pacific – Population, Settlement and Citizenship Issues*. Cheltenham and Northampton MA, 2003.

8. Лицо, назначенное правительством для разбора жалоб частных лиц на государственные учреждения. – *Прим. перев.*